

ГЕРОЙ БУДАПЕШТА

В Будапеште буйно цвели вишни и яблони. В белой кипени тонули улицы. Он ходил по ним и не узнавал. Город, залитый днем солнцем, по вечерам — огнями реклам, был прекрасен. А он запомнил его на всю жизнь в дыме пороховых разрывов, в копоти, в шуршащей пыли оседающих стен домов.

Тогда, в победном 45-м, советское командование очень хотело сохранить город-расавец над голубым Дунаем с его уникальными дворцами и старинными особняками и парками. Солдаты страны, отстоявшие сказку Ленинграда, не могли не ценить прекрасное в мире. Но гитлеровцы презрительно Будапешт в цитадель, и когда оборвались молодые жизни советских парламентариев, солдаты пошли на штурм. Зенитчики батарейцы тоже.

Не было ни одной пяди свободного от обстрела пространства. Особенно жарко было близ вокзала на небольшой площадке. Здесь градом сыпались пули из окон многоэтажного углового дома, откуда насквозь простреливались улицы. Муха не смогла бы пролететь незамеченной мимо засевших там гитлеровских снайперов и автоматчиков. Весь перекресток проглядывался, как на ладони. Атаки пехоты захлебывались под шквальным огнем, кончаясь большими потерями...

У Аяняна созрел смелый план: отвлечь неприятеля ложным наступлением пехоты и установить хотя бы одно орудие, которое заставит замолчать этот проклятый дом. С математической точностью рассчитал он расстояние и миг, когда подымутся зенитчики

его батареи. Нужны были семь секунд, чтобы зарядить переносное орудие и выстрелить прямой наводкой. И еще несколько секунд смертельного бега, когда тяжелое орудие почти кесли на руках. Дерзкий стремительный бросок артиллеристов вместе со стрелками 151-й дивизии ошеломил врага, исход боя был предрешен.

В наградном листе старшего лейтенанта Эдуарда Аяняна упоминался и этот эпизод боя. А за все будапештские дни с 5 по 18 января его зенитная батарея отбила 37 контратак фашистов, уничтожила 36 пулеметных точек, 20—снайперских, 12 автомашин, 2 бронетранспортера, подавила огонь 4 артбатарей, взяла в плен 45 солдат и офицеров противника. 6 января офицер Аянян получил 17 осколочных ранений, но не покинул батарею, которая первой вышла к Дунаю, так и долечивался в боях.

Артиллерист-офицер Эдуард Аянян за освобождение Будапешта удостоился высокого звания Героя Советского Союза.

И вот теперь советский ученый, математик Эдуард Меликович Аянян по приглашению Общества венгеро-советской дружбы был гостем прекрасной столицы братской социалистической страны. Ходил по цветущим весенним улицам и вспоминал, как истосковавшись по детям солдаты брали на руки венгерских ребятишек, оделяли скромными солдатскими лакомствами. Как старики-мадьяры показали склад фашистского оружия, а женщины предлагали помочь тащить тяжелые пушки. Постоял он и у памятника воинам-освободителям, где выбито и

его имя, смотрел, думал, вспоминал.

Этот удивительно скромный по натуре человек, неторопливый в речи, задумывал с юности свою жизнь иной. Уроженец горного села Геташен, со школьных лет выбрал для себя точнейшую из наук — математику. Увлечение было самозабвенным и привело его в университет. А жизнь обернулась самой жестокой школой — школой войны.

Но именно отсюда он ведет свой удивительный счет человеколюбия, веры во все лучшее в человеке. И вот как это обосновывает: «Нелегко бывало в тяжелые минуты посылать кого-то из подчиненных на задание, заведомо зная, что тот может не вернуться. Рассчитав все, я обычно, не называя имен, разъяснял обстановку и ставил задачу.

«Комбат, я пойду!» — сразу откликалось несколько голосов. Среди них обязательно находился такой, который категорически заявлял: «Комбат, я пошел!»

Каждая секунда под шквальным огнем, каждый день, прожитый на войне, — подвиг. Именно поэтому мне никогда не хотелось отделяться своим званием Героя от других фронтовиков. Нет в живых моего храброго наводчика — сержанта Проценко, нет моего друга Тоимашева, доставившего меня на своей спице в госпиталь, на моих глазах геройски погиб сержант Середниченко, не шагает сейчас рядом радист Иванов, отозвавший меня на пару секунд к связи с командованием и тем самым невольно спасший меня, когда от прямого попадания в мгновение погибли бойцы расчета.

Какие у меня были батареицы! Сколько сибиряков, преданный, смелый народ! И бок о бок с ними — татарин Гайнуллин, грузин Сакваралидзе, азербайджанец Али-заде, армянин Арутюнян — целый интернационал! Батарея наша жила как одна семья...»

Вот такое измерение жизни у ученого и солдата Эдуарда Меликовича Аяняна, кандидата физико-математических наук, ученого секретаря одного из научно-исследовательских институтов Академии наук СССР.

И именно о мире беседуем мы сегодня, окруженные тишиной вечера, умными книгами, звуками живущего за окнами огромного прекрасного города. И говорим мы о прекрасных городах — Будапеште, Москве. Ловлю себя на мысли, что пытаюсь воссоединить для себя в этом доброжелательном человеке, проникновенно говорящем о мире, образ бесстрашного военного — Героя. Высокое звание, осевшее всю его жизнь, по-настоящему научило любить мир. Таким людям веришь.

Аида ГЮМРЕЦИ.

Москва.